

«Молчит как партизан»

Прецедентные сравнения из сферы истории

© М. Н. КРЫЛОВА,
кандидат филологических наук

Исследование посвящено анализу функционирования прецедентных феноменов из сферы истории в содержании сравнительных конструкций современного русского языка. Отмечается, что современная языковая личность обращается к историческим фактам и именам разных периодов. Уровень образованности носителя языка достаточно высок, он владеет знаниями о разных этапах мировой и российской истории. Однако языковая личность стремится нивелировать значение исторически важных для России событий.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентная ситуация, прецедентное имя, история, сравнительные конструкции.

The study is devoted to the analysis of the functioning of precedent phenomena from the sphere of history in the content of comparative constructions of the modern Russian language. The modern language personality appeals to historical facts and names of different periods. The level of education of the native speaker is quite high, he knows the various stages of the world and Russian history. However, the language personality seeks to neutralize the significance of historically important events for Russia, for example, related to the period of Soviet power.

Key words: precedent phenomenon, precedent situation, precedent name, history, comparative constructions.

Отражение, закрепление культуры в явлениях языка не представляет сомнения для исследователей. В.Н. Телия отмечает: «...Язык фиксирует практически всё, что принято считать национально-культурным достоянием народа – носителя языка» [1]. Одним из стержневых источников формирования культуры являются прецедентные феномены, к которым относятся прецедентные тексты, прецедентные имена, ситуации, высказывания.

Прецедентные феномены воздействуют на культуру и сами подвергаются влиянию со стороны культуры, ибо культура, в свою очередь, не может не транслировать свой опыт через интерпретацию прецедентных феноменов. Как отмечает С.В. Моташкова, «система прецедентных феноменов,

формирующая концептосферу индивидуальных носителей языка, национальной и мировой культуры, вольно или невольно вбирает в себя информационно-ценностные, ассоциативно-образные явления» [2. С. 42].

Широкое использование прецедентных феноменов в современном русском языке, насыщенность современного текста элементами из других текстов свидетельствуют об интертекстуальности современного языкового пространства, включенности языковой личности в систему функционирования общей базы знакомых всем текстов, ситуаций, имен. По словам С.В. Моташковой, «интертекстуальность, как одна из самых активных исследовательских зон в теории текста, достигла в последнее время впечатляющих успехов количественного и качественного порядка» [Там же. С. 42–43]. При этом введение в текст прецедентного феномена дает тексту очень многое. Е.А. Нахимова отмечает: «Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Удачное использование прецедентного феномена – мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании». [3. С. 112].

Исследованию прецедентных феноменов уделяют внимание многие современные лингвисты: В.В. Красных [4], С.В. Моташкова [2], Е.А. Нахимова [3], Е.В. Родионова [5], П.П. Ярыгина [6] и др.

Прецедентные феномены разнообразны по составу и охвату реалий; они могут быть, по В.В. Красных, «как вербальными, так и невербальными: к первым относятся разнообразные вербальные единицы, тексты как продукты речемыслительной деятельности, ко вторым – произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д.» [4]. Предметом нашего анализа являются прецедентные феномены второй группы, относящиеся к сфере истории.

Анализ семантической составляющей более 6300 сравнительных конструкций, отобранных нами методом сплошной выборки из различных разновидностей современного русского языка, позволил заметить, что обращение к прецедентным феноменам с целью найти яркий образ для сравнения встречается примерно в 8% примеров. Чаще всего языковая личность апеллирует к прецедентам из сферы кино, литературы [7], телевидения, шоу-бизнеса, политики и т.д.

Целью данной статьи стало рассмотрение обращения говорящего при создании сравнения к прецедентам из сферы истории, наблюдаемое не так часто (не более 1% примеров).

Проблема отражения истории в культурном, языковом и мировоззренческом пространстве современной языковой личности недостаточно изучена. Задача нашего исследования – посредством анализа качественно и количественного состава данных прецедентов оценить восприятие

современной языковой личностью исторических событий, фактов, персонажей, истории вообще и своего места в истории.

Особенность аллюзий из сферы истории проявляется уже в том, что из обозначенных типов прецедентных феноменов при создании сравнений задействованы только прецедентные ситуации и имена. Как и прецедентные тексты, они зафиксированы в сознании носителей языка и являют собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, стереотипы, марки для сравнения, которые помогают человеку ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве. Рассмотрим их подробнее.

Прецедентные ситуации, к которым обращается языковая личность при создании сравнения, включают набор представлений о наиболее знакомых языковой личности и наиболее значимых для неё исторических событиях. Поэтому в сравнениях чаще фигурируют самые знаменитые исторические эпизоды, например: «Сжечь на костре? *Как Джордано Бруно?* – Юрка взглянул на англичанина с любопытством» (Б. Акунин. Детская книга).

Часто наблюдается юмористическая трактовка известных исторических эпизодов. При этом, обращаясь к событиям, которые на слуху, о которых что-то знает каждый потенциальный реципиент, говорящий может быть уверен, что его шутка будет понята: «Ипотека – такая штука, *как монголо-татарское иго*» (телепередача «КВН»).

Однако апелляция к не очень известным, требующим фоновых знаний историческим фактам тоже наблюдается: «Мы уже сейчас видим, что лейтенанты Путина, *как сыновья Чингисхана*, начинают драться за власть» (телепередача «Времена»). Создающая сравнение языковая личность в этой ситуации понимает, что названный факт может быть понятен не всем, и стремится максимально разъяснить образ, точно обозначить основание сравнения. Тогда значение сравнения становится понятным из контекста: «*Я вроде Петра Первого*, – усмехнулся Стар, поймав удивленный взгляд гостя. – В личной жизни излишеств не признаю» (Б. Акунин. Долина Мечты).

Такие сравнения можно расценивать не только как проявление познаний говорящего, но и как стремление расширить исторический кругозор слушающего, оживить в его восприятии полузабытое историческое событие: «Этот город застрял во времени, / *Как “Челюскин” во льдах*» (песня А. Макаревича).

Неисчерпаемый источник прецедентных ситуаций для сравнения – Великая Отечественная война, многие эпизоды которой даже играют роль символов. Благодаря усилиям современной пропаганды, об этой войне многое известно не только представителям старших поколений, но и молодежи, поэтому молодые люди с готовностью и даже удовольствием апеллируют к ней, к ее наиболее известным эпизодам: «Ну что расслабились-то? *Как немцы в сорок пятом*» (телепередача «КВН»); «Мой любимый цвет, красный, *как знамя над Рейхстагом*» (телесериал «Кто в доме хозяин?»).

Иногда историческая ситуация не обрисовывается полностью, но угадывается. К примеру, многочисленные сравнения с образом партизана отсылают

к отечественным войнам (в первую очередь, Великой Отечественной), давшим примеры героического молчания партизан под пытками. Поэтому сравнение «молчит как партизан» стало устойчивым: «Ты глянь на него, молчит как партизан!» (худ. фильм «Нежный барс»); «И мама молчит как партизан, — говорит Катя, но я не лезу» (Г. Щербакова. Моление о Еве).

Важность, первостепенность для современной языковой личности прецедентов из сферы кино явна даже при анализе исторических прецедентов, ведь особенно активно обращается говорящий к тем историческим фактам, которые поддерживаются кинофильмами, как современными, например: «Банк издал прощальный гудок и “Титаником” пошел ко дну» (О. Маркеев. Черная луна), так и снятыми давно, но прочно вошедшими в культурный фонд нации: «Когда же в школах и в армии учеников и курсантов перестанут, как на броненосце “Потёмкине”, травить гнилым мясом?» (газета «Аргументы и факты»).

Прецедентные имена из сферы истории включают имена исторических личностей, названия и нарицательные существительные. В первую очередь, это наиболее известные исторические имена, собственные наименования, которыми свободно оперируют носители языка: Сфинкс, Нефертити, Петр Первый, Суворов, Наполеон, Ленин, Троцкий, батька Махно, и др.

Большую группу прецедентных имен составляют имена нарицательные: мумия, гладиатор, фараон, фашист, плантатор и др. В этом случае имя является собирательным, символизирующим что-либо, например, безграничную власть: «... Полномочия президента больше, чем у советского генсека и египетского фараона» (Г. Зюганов, интервью).

Широкий диапазон актуальных для языковой личности исторических эпох (от древнейшей до новейшей истории) заставляет вспомнить школьный курс истории. По-видимому, именно школьному историческому образованию мы обязаны обыгрыванием современной языковой личностью имен из различных исторических периодов.

Анализ прецедентных имен из сферы истории демонстрирует связанную с политической ситуацией быстроту смены исторических личностей, ухода, забвения одних и выдвижения других. Например, сравнение: «Он будет обегать вас лучше, чем Коржаков президента» (Б. Акунин. Алтын-Толобас).

При упоминании персонажей, связанных с историей СССР, современный носитель языка их деидеологизирует. Имена, вставляемые в сравнение, отсылают к определенному историческому периоду, но не несут идеологической окраски, а, наоборот, совершенно аполитичны. Это может выражаться в выделении при апелляции к некогда идеологическим образам не политических, а внешних качеств: «Такой молодой, а все волосы уже порастерял. На дедушку Ленина похож» (телепередача «Малахов+»).

Часто использование при создании сравнительных конструкций символов, значимых в советскую эпоху, не просто аполитично, а даже наполнено желанием снизить значимость образа, например: «Марина плоская,

как *доска почета*» (газета «Моя веселая семейка»); «И сразу появится моя подруга Верка, которая будет меня пытать, как *фашисты Молодую Гвардию*» (телесериал «Моя прекрасная няня»). Часто такие сравнения позволяют себе авторы молодые, в новой обстановке отказавшиеся от старых идеалов и не успевшие приобрести новых.

Анализ обращений к историческим ситуациям и именам может дать представление о том, насколько знает и любит историю современный носитель русского языка, и о том, как он относится к истории и ее интерпретирует. Мы наблюдаем в образной сфере современного сравнения обращение к историческим фактам и именам разных периодов, свидетельствующее об уровне образованности носителя языка, владении им знаниями о разных этапах мировой и российской истории. При этом мы видим распространение сниженного, шутливое употребление прецедентных феноменов.

Литература

1. *Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 175.
2. *Моташкова С.В.* Основные проблемы и пути верификации и вербализации прецедентных концептов в интертекстуальном дискурсе // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2006. № 5. С. 42.
3. *Нахимова Е.А.* Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского гос. ун-та. 2007. № 52. С. 105–112.
4. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. С. 46.
5. *Родионова Е.В.* Семантическая классификация прецедентных феноменов в заголовках периодических изданий // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: Сб. научн. тр. М., 2015. С. 244–250.
6. *Ярыгина П.П.* Прецедентный феномен в рекламном тексте // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. № 12–3. С. 177–179.
7. *Крылова М.Н.* Художественный текст как прецедентный феномен (на материале сравнительных конструкций) // Русская словесность. 2010. № 1. С. 62–65.

*Азово-Черноморский инженерный институт
ФГБОУ ВО Донской ГАУ*